

С. С. С. Р.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ВОЕННАЯ АКАДЕМИЯ

Р. К. К. А.

КЛАУЗЕВИЦ.

О С Н О В Ы
СТРАТЕГИЧЕСКОГО
РЕШЕНИЯ.

ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОГО.

Под редакцией А. Свечина.

ВЫСШИЙ ВОЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ.

МОСКВА.

1924.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

В 1923 году в первый раз были опубликованы печатаемые ниже письма Клаузевица, представляющие огромный интерес и для изучения мышления Клаузевица в последнюю эпоху его жизни, и для освещения многих стратегических вопросов.

В 1827 г. начальник прусского генерального штаба Мюфлинг поставил на разрешение своим сотрудникам генерального штаба следующую стратегическую задачу:

Австрия, поддерживаемая Саксонией, находится в состоянии войны с Пруссией; 130-ти тысячная австрийская армия, к которой готовы присоединиться 20 тыс. саксонцев, собирается перейти границу. Пруссия изготовилась открыть кампанию пятью корпусами (150 тыс.). Требуется составить доклад, заключающий в себе: а) перечисление возможных операций австрийцев и их союзника; б) расчет их во времени и пространстве; в) какая из этих операций является наиболее опасной для Пруссии; г) какова должна быть общая группировка пруссаков, которая позволила бы парировать каждую из перечисленных операций австрийцев; д) расчет времени и пространства для различных случаев, в которых пруссакам может оказаться необходимым действовать, с наиболее подробным изучением важнейшей комбинации, когда австрийцы направляют свой наиболее опасный удар.

Один из друзей Клаузевица, майор фон-Редер переслал Клаузевицу два решения предложенной задачи, одно из которых принадлежало ему, а другое—неизвестному нам лицу, пользовавшемуся крупным авторитетом в генеральном штабе, и просил Клаузевица рассмотреть эти решения. Первое письмо, печатаемое ниже в несколько

сокращенном виде, и представляет разбор Клаузевицем этих решений. Поставленная Мюфлингом задача имела еще дополнительное задание, свое решение по которому Редер вновь переслал Клаузевицу; второе письмо представляет его разбор.

Клаузевиц, в последние десять лет своей жизни, настойчиво трудился над сочинением „о войне“; к моменту, когда он писал письма ф. Редеру, эта работа уже приняла формы, близкие к тем, в которых она была напечатана после смерти Клаузевица; однако, стратегический трактат Клаузевица оставался еще неизвестным его современникам и, в том числе, фон-Редеру. Поэтому Клаузевиц, разбирая предложенные ему решения, был вынужден в своем разборе наметить основные линии своего стратегического мышления. Печатаемые ниже письма Клаузевица представляют, таким образом, в весьма краткой и заостренной форме, в приложении к частному случаю, изложение важнейших основ учения Клаузевица. Взаимоотношения политики и стратегии, война на сокрушение и война на измор, необходимость искать сражения и сражение, как зло, связь понятий войны и военных действий, стратегия, как простой подсчет сил, расстояний и времени, необходимость на войне подходить к оценке действительности с различными мерками, оборона, как не только логический исходный пункт стратегии, но и как форма, с которой на практике должна вести свое начало стратегическая мысль—все эти мысли нашли здесь свое отражение.

Изучение стратегии должно заключаться преимущественно в самостоятельной работе. Для такой самостоятельной работы и предназначается настоящий перевод писем Клаузевица. Вдумчивое их чтение может дать сильный толчок стратегической мысли, может заставить отказаться от бесконечных и беспредельных злоупотреблений стратегической фразой, может заинтересовать читателя и пробудить его к внимательному изучению всех трудов Клаузевица. Поэтому мы и предлагаем начать самостоятельную работу по стратегии с этих двух коро-

веньких писем величайшего военного мыслителя; поставаемся отдать себе отчет, насколько Клаузевиц остался непонятым в течение девяноста лет, истекших со времени напечатания его сочинений, насколько и по сей день в военной литературе обширно представлена та узко-военная точка зрения на стратегию, критике которой и уделял, главным образом, Клаузевиц свои силы.

Любая карта Германии содержит в себе пункты, упоминаемые в письмах ¹⁾.

Редакция.

¹⁾ На некоторых картах не содержится лишь названия Лаузитц.

Лаузитц—это область, охватывающая смежные уезды провинций Силезии, Бранденбурга и Саксонии, и протягивающаяся от Богемской границы до рек Одер и Черный Эльстер (название—от населявшего ее тысячелетие назад славянского племени лужичей).

I ПИСЬМО

КЛАУЗЕВИЦ—К. фон-РЁДЕРУ.

Берлин, 22-го Декабря 1827 года.

Вы побуждаете меня, милый друг, высказать Вам мое мнение относительно задачи и двух ее решений, которые Вы мне переслали; я делаю это в уверенности, что Вы будете рассматривать мое сообщение, как совершенно конфиденциальное, преследующее чисто научные цели.

Прежде всего прошу меня извинить, что я начинаю *ab ovo* ¹⁾, но ничто на свете не лишено в такой степени основ, т.-е. каких-либо абсолютно истинных, неоспоримых отношений к *необходимому*, чем так называемая стратегия.

Война является не самостоятельным делом, а продолжением политики другими средствами; в виду этого, главные линии всех крупных стратегических планов преимущественно имеют *политический характер*, который выступает тем сильнее, чем шире они охватывают войну и государство в целом. Весь план войны непосредственно вытекает из политического бытия обоих воюющих государств и из их отношений к другим державам. Из плана войны ²⁾ вытекает план кампании; последний оказывается совершенно идентичным с планом войны в тех случаях, когда все действия ограничиваются одним театром войны. Но политический элемент проникает и в отдель-

¹⁾ От Адама (буквально с яйца, т.-е. с зародыша).

²⁾ Клаузевиц под планом войны понимает не долголетнюю программу подготовки государства к войне; для Клаузевица план войны—это суммирование планов кампаний, намеченных на различных театрах борьбы (Прим. редакции).

ные операции, и лишь редко можно найти крупный военный акт, например, сражение, и т. д., на который политический элемент не оказал бы какого-либо влияния. С этой точки зрения *о чисто военной оценке* стратегической обстановки крупного масштаба, а равно и о чисто военном плане не может быть и речи. Что такая точка зрения, вполне понятная тем, кто имеет представление о военной истории, безусловно необходима—это даже не требует доказательства, но она, однако, до сих пор еще не признана. Это видно из того, что в крупных стратегических планах до сих пор все еще стремятся отделить чисто военную часть от политической, и политические соображения рассматривают, как нечто чудовищное. *Война представляет нечто иное, как продолжение политических стремлений другими средствами*; этот взгляд я кладу в основу всей стратегии и полагаю, что если кто-либо еще колеблется признать его необходимость, тот еще не вполне усмотрел, в чем сущность дела. Это положение делает понятной всю военную историю—без него все полно величайших абсурдов.

Разве возможно проектировать план кампании, будь то для одного или нескольких театров войны, не учитывая политического состояния и взаимоотношений государств? Каждый крупный военный план вытекает из такой массы индивидуальных обстоятельств, определяющих его так, а не иначе, что является невозможным изложить в задании воображаемый частный случай так, как он мог бы действительно иметь место. При этом мы имеем в виду не одни мелочи, *но и очень важные вопросы*, которые также до сих пор не принимаются во внимание. Например, Бонапарта очень часто сравнивают с Фридрихом Великим, причем иногда ни мало не задумываются над тем, что один из них располагал 5 миллионами, а другой 40 миллионами подданных; я же хочу обратить внимание на совершенно иное, гораздо менее заметное, но все же очень существенное отличие—Бонапарт был узурпатором, достигшим невероятного могущества при помощи своего рода непрерывной азартной игры, и в те-

чение большей части своей рискованной жизненной карьеры не имевший даже наследника; а Фридрих Великий управлял настоящей наследственной вотчиной. Если оба, по своей индивидуальности, были бы созданы природой совершенно тождественными, то представляется ли при указанных условиях возможным, что бы они оба действовали одинаковым образом? Конечно, нет, и уже по одной этой причине нельзя измерять их обоих одной меркой. Следовательно, так построить воображаемую обстановку частного случая, чтобы можно было утверждать, что опущенные данные—несущественны, является невозможным. Правда, можно представить себе, что многие обстоятельства в обеих армиях и в обоих государствах совершенно тождественны и друг друга взаимно нейтрализуют. Однако, решение подобных задач не будет относиться к числу *полезных упражнений*, и возможно, что те решения, которые при этом будут найдены лучшими, в действительности окажутся неподходящими.

Если таким образом мы и можем в подобных задачах отказаться от учета множества вопросов, предполагая, что в них силы нейтрализуются, тем не менее мы не можем удалить из круга нашего суждения те обстоятельства, которые вызывают к жизни военную деятельность, определяют политическую цель и в соответствии с ней и имеющимися средствами устанавливают военную цель. Следовательно, эта конечная цель всего акта войны или отдельной кампании, поскольку они совпадают, является важнейшим и первым вопросом, которым должен задаться стратег, так как к этой конечной военной цели тянутся все главные линии плана или, по крайней мере, ею определяются. Дело, очевидно, обстоит совершенно отлично, если я имею и в праве иметь намерение сокрушить противника, лишить его возможности дальше сопротивляться и, таким образом, принудить принять мои условия мира, или если я должен довольствоваться преимуществами, вытекающими из захвата незначительного участка территории, крепости и т. д. которые, при заключении мира, я могу или сохранить за собой или предложить для об-

мена в виде эквивалента. Исключительные условия, в которых находились Бонапарт и Франция с начала революционных войн, почти всегда и всюду позволяли ему достигать первой цели, и отсюда родилась мысль считать за норму созданные Наполеоном планы и осуществление их, что, однако, равносильно суммарному осуждению всей предыдущей военной истории. Это — нелепость.

Если мы хотим обосновать военное искусство на военной истории, а это, бесспорно, единственный путь, ведущий к цели, то мы не можем себе позволить недооценивать данные военной истории. Если, таким образом, мы установим, что из 50 войн, может быть 49 окажутся второго рода, т. е. преследующие ограниченную цель, не направленные на сокрушение противника, то мы поневоле должны допустить, что выдвижение ограниченной цели лежит в сущности дела, а не обусловливается каждый раз ошибочными взглядами, недостатком энергии и т. д. Таким образом, мы не можем позволить себе рассматривать войну исключительно как акт грубой силы и разрушения, и не можем из этого элементарного понятия, с логической последовательностью, развить целый ряд выводов, так как они не будут иметь уже ничего общего с событиями реального мира; наоборот, мы должны вернуться к тому, что война является политическим актом, который не является самодовлеющим ¹⁾, а представляет по истине инструмент политики, работающий не сам по себе, а направляемый какой то рукой. Эта рука есть политика. Чем больше политика исходит из широких интересов, охватывающих все государство и возможность его существования, чем острее взаимно ставится вопрос бытия или небытия, тем больше понятия политика и вражда совпадают, тем больше первая растворяется во второй, тем проще становится война, тем ближе она подходит к чистому понятию насилия и уничтожения, тем больше она отвечает требованиям, которые можно логично вы-

¹⁾ Буквально: „который не содержит в себе полностью своего закона“ (прим. перевод.).

вести из этих понятий, тем больше логика *внутренней необходимости* связывает ее части. Такая война выглядит совершенно *аполитичной* ¹⁾, и потому ее до сих пор считали нормальной войной; но политическое начало, очевидно, не отсутствует в ней, как не отсутствует и в других войнах, а лишь вполне совпадает с понятием насилия и уничтожения и ускользает от нашего взора. — После этих разъяснений, мне нет необходимости доказывать, что могут существовать войны, в которых цель явится еще более незначительной и сведется к простой угрозе, к ведению переговоров с оружием в руках, а случай поддержки союзника может обратиться в чисто демонстративные действия. Было бы совершенно антифилософски утверждать, что эти войны вовсе не относятся к области военного искусства; но лишь только военное искусство окажется вынужденным признать, что может иметь место разумное ведение войны, не задающееся крайними целями, т. е. сокрушением и уничтожением противника, то оно должно снизойти и до всех низших ступеней, которые могут быть вызваны к жизни интересами политики. Задачи и права военного искусства по отношению к политике сводятся главным образом к тому, чтобы предотвратить политику от предъявления требований, *противоречащих природе войны*, дабы политика, вследствие незнания, как функционирует инструмент, не допустила ошибки в отношении его применения.

Следовательно, я требую, чтобы везде, когда является необходимость в стратегическом плане, была установлена конечная военная цель обеих сторон; эта цель преимущественно вытекает из важнейших политических отношений между обеими сторонами и из таковых к прочим государствам, могущим принять участие в данной войне. Без установления этих данных, стратегический план

¹⁾ Таким образом, по Клаузевицу, наиболее обостренная борьба на жизнь или смерть, которую мы можем себе представить, война между мировым капиталом и пролетарской революцией, будет подчинена исключительно логике насилия и менее всего явится кристаллищем политики (прим. редак.).

явится простой комбинацией некоторых отношений времени и пространства, учитываемых в направлении на взятую произвольно цель, сражение, осаду какой-нибудь крепости и т. д.; постановка подобной цели не может, в пределах этих данных, быть доказана, как более необходимая и лучшая, чем другие цели, и таким образом, наш план может быть опровергнут и оспорен другими предложениями, при чем эти последние могут быть несколько не ближе к абсолютной истине. Такова именно история всех имевших место до сего времени стратегических дискуссий. Каждый возвращается в произвольно очерченном кругу и никто не пытается в своих обоснованиях добраться до основы, являющейся исходной для всего действия, заключающей в себе истинный мотив, откуда единственно и могут получить свое начало логические заключения. Все верное и меткое, сделанное в стратегии, является созданием такта гениальных полководцев, которые одним взглядом охватывали и оценивали множество обстоятельств; этого такта достаточно для практики, но очевидно, что им нельзя удовлетвориться в дискуссии, хотя сам по себе он представляет нечто гораздо большее, чем трудолюбивое изучение всех обстоятельств.

Отсюда Вы видите, уважаемый друг, как в сущности, меня затрудняет самый приступ в Вашей задаче. Прежде всего я должен спросить, имеют ли и могут ли иметь австрийцы намерение армией в 150.000 человек сокрушить и обезоружить Пруссию, или они хотят довольствоваться ограниченной целью. В Семилетнюю войну они, бесспорно, могли достигнуть сокрушения, и путь к тому лежал главным образом, через Саксонию и Лаузитц на Берлин; тогда австрийцы это упустили, и им это справедливо зачли за крупную ошибку; ошибка эта указывается именно в том смысле, что они направляли свои операции преимущественно в Силезию, а не в Лаузитц.

Однако, если обстоятельства таковы, что о сокрушении прусской военной державы не может быть и речи, то и операция через Нижний Лаузитц в направлении на

Берлин уже не является *самой подходящей*, а следовательно не является *и самой опасной* для Пруссии. Вполне понятно, что обстоятельства могут быть таковы, что Австрия в силах захватить только кусок территории с одной или двумя крепостями; я утверждаю, что там, где только *такой умеренный план обещает успех*, а широкие замыслы, как переступающие пределы соотношения сил, шансов на успех не имеют, этот умеренный план австрийцев является в то же время самым опасным для Пруссии.

Таким образом, вы видите, что этот вопрос, как для задачи, так и для обоих решений, имеет всеобъемлющее значение, которое, однако, не учтено,—ошибка, постоянно допускаемая в стратегии, следствием чего общие стратегические рассуждения оказываются для частного случая практики почти всегда неприменимыми. Важнейшая опасность, грозящая Пруссии, может быть установлена лишь тогда, когда станет известно, какова может быть или какова будет цель австрийцев, и эта цель в настоящей задаче может выявиться лишь из указания политической обстановки в крупном масштабе, или же быть произвольно установленной, как одна из данных задач. Как в задаче, так и в решениях смутно, т. е. без чеканной подчеркнутости, столице придается такое крупное значение, которое практически она иметь не может; это ведь уже издавна доказано Семилетней войной. Далее, смутным является представление, что такое направление австрийского удара некоторым образом расщепило бы прусскую монархию на две крупные части, так как если бы прусская армия была разбита и подверглась беспощадному преследованию, то она должна была бы решиться или отойти за Одер, или отступить за Нижнюю Эльбу. Здесь кроется очень крупная опасность—но, правда, лишь при наличии такого врага, который *может осуществить* такой план; очевидно, что для австрийцев подобная операция, которая будет фланкироваться справа уже в Богемии Силезией, а с другой стороны—эльбскими крепостями, представляет крайние трудности и может удасться лишь при условии

значительного превосходства, которое бы уравнило затруднения. На подобное же превосходство сил задача, повидимому, совершенно не указывает; в ее основе скорее лежит своего рода равновесие сил.

Мне представляется, что в означенной задаче вопрос, какая операционная линия австрийцев является самой опасной, раздувается без всякой пользы.

Наступление и оборона поочередно определяют в своих мероприятиях друг друга; правда, в теории, т. е. для обобщенного рассмотрения, весь ряд исходящих из этого представлений должен где-нибудь брать свое начало, это совершенно правильно; по моему убеждению, он берет начало в обороне, отчасти потому, что все мероприятия военного устройства в мирное время, преимущественно, ориентируются на оборону и, таким образом, она предшествует наступлению, а отчасти потому, что лишь мероприятия обороны вообще вызывают к жизни таковые наступления, которым без них не доставало бы исходных данных. Оборона же, наоборот, не испытывает отсутствия в таковых данных и без наступления, так как они заключаются в конфигурации и состоянии страны. Следовательно, при совершенно общей постановке вопроса, оборона должна развивать свои первые мероприятия, опираясь на естественные условия; *в частном же случае это вовсе не всегда является необходимым*, а лишь при невозможности достаточно своевременно умотреть намерения противника, чтобы принять надлежащие встречные мероприятия. В данном случае, по моему, дело обстоит совершенно не так. Двинут ли австрийцы свои главные силы в Силезию или в Саксонию—это станет достаточно своевременно известным по направлению их маршей, расположению магазинов, мобилизации обозов и из других источников осведомления. Пойдут ли они по тому или по другому берегу Эльбы, это им, *может быть*, и удастся скрыть до последнего момента; но эта альтернатива для нас крайне несущественна, так как мы можем ответить на выбор направления по любому берегу небольшим передвижением вправо или влево. Если мы произведем со-

средоточение так, как оно наиболее естественно вытекает непосредственно из нашей дислокации, собрав три дивизии, расположенные в Силезии, примерно у Нейсе, Лигница и Шпроттау, 2-й и 3-й корпуса с гвардией в Нижнем Лаузитце и 4-й корпус на правом берегу Эльбы у Торгау, то мы вполне сможем дальнейшее их перемещение координировать со сведениями, которые неукоснительно будут поступать о направлении главных масс противника, чтобы повести им навстречу наши главные силы. Поэтому, на мой взгляд, задача совершенно бесполезно разыгрывается на арене умозрительных рассуждений. Там, где дело решается конкретными обстоятельствами, не должно быть и речи об умозрительных рассуждениях, которые, к сожалению, столь часто вырождаются в схоластику. Если же вопрос подлежал бы обсуждению в плоскости опасной недостаточности прусской военной мощи, то задача должна была бы быть поставлена совершенно иначе.

После того, как я таким путем доказал, что задача слишком несовершенна, чтобы возможно было найти решение, имеющее известную внутреннюю необходимость, и что вопрос об опаснейшем операционном направлении, поставленный в некотором роде в основу решения, в частном случае практики никогда не стал бы базой наших мероприятий, я попытаюсь исторически подойти к рассмотрению отдельных вопросов второго решения, так как для того, чтобы логически оспаривать решение, слишком чувствуется недостаток в логической связи.

1. Почему Австрия раньше обнаружит свои намерения, если она остановится на наступлении в Силезию? Потому что Силезская граница несколько более удалена от Берлина—это слишком маленькое и ничтожное соображение, не могущее повлиять на выбор операционной линии. Если австрийцы двинутся из Вены и от Дуная к нашей границе, то мы, вероятно, поймем, что это направлено против нас, и устроимся так, чтобы своевременно занять намеченные пункты; мы не будем задерживать наши мероприятия до тех пор, пока австрийцы перейдут границу.

2. Под преимуществом *инициативы* здесь подразумеваются выгоды внезапности; только в том случае, если инициатива связана с внезапностью, она дает преимущество; в остальных же случаях инициатива на войне убыточна также, как убыточна она в игре. Это лежит в природе вещей, но я здесь это не обосновываю, так как это потребовало бы развития очень далеко идущих соображений¹⁾. Если внезапность относится к удару на *Берлин*, то она, действительно, скорее всего может быть достигнута на направлении через Саксонию; но если внезапное нападение имеет в виду Силезию, то дело обстоит наоборот. Австрийцы, естественно, могут гораздо раньше напасть на нас врасплох в Южной Силезии, чем в Бранденбурге.

3. Австрийцы должны предпочесть направление на Берлин потому что, если Пруссия придает большое значение непосредственной защите Берлина, она неизбежно будет вынуждена к особенно невыгодной обороне. Следовательно, австрийцы должны базировать выбор своей операционной линии на простой *возможности*, что Пруссия допустит какую-то ошибку; это в свою очередь является слишком ничтожным соображением. И почему же Пруссия окажется в самых невыгодных условиях обороны? Это—фраза, лишенная всякого содержания. Сильная позиция за реками Нотте и Нуте, две крепости против левого фланга противника и целая провинция против правого—по какому праву можно это называть невыгодными условиями обороны? Я не утверждаю, что мы должны занять эту позицию, а лишь хочу показать, что здесь дано обоснование, которое в свою очередь требует доказательства.

¹⁾ Основное положение учения Клаузевица—о преимуществах обороны над наступлением, о действительных выгодах не инициативы (первой руки), а второй руки, последнего слова. Это положение Клаузевица философски неоспоримо; но большое количество его учеников не соглашалось с ним в этом вопросе. Мирная война, в общем, подтвердила и этот пункт учения Клаузевица. Оборонительные идеи у нас находят, в общем, благодарную почву; мысли Клаузевица об обороне заслуживали бы поэтому особенно внимательного изучения. (Прим. редакц.).

4. (Расчет времени и пространства).

5. То обстоятельство, что Австрия может доставить осадный парк к крепости Торгау водным путем, имеет значение только для осады Торгау; что отсюда вытекает угроза *величайшей опасности* Пруссескому государству, надлежало бы сначала доказать; это опять-таки совершенно *голословное утверждение*. В некоторых случаях осада Торгау может являться большей угрозой для Пруссеского государства, чем осада Глатца, в других же—наоборот. Если осада Торгау будет предпринята без значительного превосходства сил, то едва ли можно полагать, что она приведет к успеху; в таком случае осада австрийцами Торгау явится лучшим путем к достижению Пруссией общей стратегической победы. Поскольку здесь условия, в которых борются обе стороны, не определены достаточно точно, настолько, в сущности, об этих вопросах нельзя рассуждать с практической пользой; я же своими соображениями хочу только показать, до какой степени недоказанной и пустой фразой является утверждение, на которое опирается данное рассуждение, как и бесконечное множество других стратегических дедукций.

6. Австрийцам представляется возможность беспрятственно дойти по обоим берегам Эльбы до района Дрездена; это вытекает будто бы из оборонительной системы Пруссии. Если автор просто думает, что пруссаки намереваются стратегически вести эту кампанию оборонительно, то его заключение ошибочно, так как, если бы это позволила обстановка, ничто не отвечало бы лучше оборонительным намерениям пруссаков, как атаковать одну из австрийских колонн до их сосредоточения. Если же автор подразумевает определенную систему обороны, которая бы заключалась в чем то вроде *намеренного* отнесения в тыл оборонительной группировки, то необходимо было бы оговорить, что эта система, вследствие измены, стала известной австрийцам, о чем, впрочем, в задаче совершенно не упоминается; в противном же случае австрийцам все время приходилось бы помнить

о возможности поплатиться за раз'единение своих колонн. Если предположить, что в момент сосредоточения австрийской армии на р. Эгер, прусская армия будет сосредоточиваться на Эльбе, то очень трудно с уверенностью предсказать, которая из них первая появится в районе Дрездена, и я весьма сомневаюсь, чтобы австрийский полководец рискнул продвигаться двумя колоннами по обоим берегам Эльбы. Таким образом, вместо того, чтобы составить себе представление о состоянии обеих армий незадолго перед началом кампании и задать себе вопрос, какие действия для каждой стороны являются наиболее целесообразными, здесь опять делается вывод из общего понятия, а именно из понятия обороны, и к тому же вывод, совершенно фальшивый и непрактичный.

7. Вывод, который делает автор, а именно, что пруссаки должны развернуться неподалеку от Торгау, мне кажется, опять-таки лишен всякой логики, так как не видно, почему пруссаки не могут своевременно отойти с более выдвинутого вперед расположения и занять позицию у Торгау.

Кроме того, этот вывод выдвигает намерение, в котором нет никакой надобности, но о котором следовало бы, по крайней мере, упомянуть, а именно, намерение прусского полководца прикрывать крепость Торгау расположением своей армии и воспрепятствовать ее осаде. Это намерение является тем более не основательным, что оно преимущественно направляется против природы вещей; крепости существуют для того, чтобы их осаждали; эта осада ослабляет неприятельскую армию и приближает момент, когда мы ее с меньшим трудом сможем победить. Таков совершенно естественный ход нашего мышления, и таков же во всех войнах, преследующих крупные цели, естественный ход событий. Но в войнах без больших решений, во взаимно уравновешенной игре, нарождаются причины, которые очень часто вызывают прикрытие крепостей армиями; подобными фактами полна вся военная история. Я бы зашел здесь слишком далеко, если бы на-

чал распутывать эту мнимую аномалию, и объяснять, каким образом она объясняется, как совершенно естественное мероприятие; я только утверждаю, что в данном случае это намерение не мотивировано и не может быть воспринято как общая, сама по себе понятная необходимость.

8. Что означает, что прусская армия должна сохранять свободу ¹⁾ своих движений? Прусская армия, очевидно, тем более сохранит свободу своих движений, чем далее вперед она выдвинет свое расположение, так как при таких условиях в ее распоряжении будет наибольшее количество направлений для отступления. Это выражение является одной из наиболее пагубных стратегических фраз, так как оно употребляется чаще, чем любая другая фраза, и никто не считает себя обязанным точнее указать ее настоящий смысл.

Результат всего этого сводится к тому, что прусская армия в районе Герцберга и Торгау занимает самое лучшее расположение, чтобы тем или иным способом оказать сопротивление в наивыгоднейших условиях. Этого результата, взятого самого по себе, я не хочу касаться, а лишь утверждаю, что это результат мало или даже совсем ничего общего не имеет со всем арсеналом расчетов времени и пространства и стратегическими дедукциями. В этом расположении прусскую армию усиливают Эльба с ее тремя крепостями, глубоко оттянутая группировка прусских войск, и граница Силезии, идущая параллельно неприятельской операционной линии. Эти обстоятельства можно объяснить в нескольких словах, их просто схватывает здравый человеческий смысл; уразумение их не требует никаких схоластических, висящих на волоске, дедукций.

9. Лучше ли оставаться на фланговой позиции и куда направлять свой тыл в таком случае, или следует предпочесть какое-либо иное мероприятие—это, при недостатке имеющихся данных, определить совершенно невозможно. Повидимому, прусская армия находится здесь в столь

¹⁾ В подлиннике: „Прусская армия должна оставаться госпожей своих движений“. (Прим. переводч.).

выгодном стратегическом положении, что она может отступить в трех направлениях, к Эльбе, на Берлин и в Силезию, сохраняя во всех случаях преимущество, заключающееся в том, что противник будет находиться под стратегической угрозой в оба фланга или тыл. Прежде всего следует решить, каково будет направление главного пути отступления прусской армии на случай большой неудачи, и сообразовать с ним гармонию всего остального...

Если иметь желание и быть вынужденным непременно прикрывать Берлин, то занятие фланговой позиции, расположенной на столь близком удалении, больше уже не отвечает своему назначению. Во всяком случае, я не думаю, что бы прикрытие Берлина играло столь существенную роль в обороне; а тогда в очень многих случаях, которые будут обусловлены условиями частной обстановки, фланговая позиция может оказаться весьма выгодной.

10. (Расположение за реками).

11. (Обеспечение фланга).

12. Противник не больше будет иметь возможности предписывать прусской армии ее движения, если она займет позицию у Лукау, чем на какой-либо иной. Эта стратегическая фраза является одной из наиболее предостережительных. Если ее понимать совершенно просто, то она ровно ничего не говорит, так как действия и движения одного полководца естественно всегда являются указанием для действий и движений другого. Если же в это общее место действительно вкладывать какую-либо мысль, то она может означать только одно, а именно, что один полководец может принудить другого неотступно следовать за его движениями и всегда забегать непосредственно на его дорогу, в результате чего он будет лишен всякой возможности оказать косвенное сопротивление путем ответного контр-маневра. Мне кажется, что этот случай совершенно не подходит к положению прусской армии у Лукау, и надо предполагать, что если бы автор несколько более точно разъяснил, что он подразумевает под этим

выражением, то явно обнаружилась вся его недостаточность и односторонность ¹⁾.

13. Сражение выставляется здесь как зло, по крайней мере то сражение, на которое приходится решаться без промедления.

Здесь мы погружаемся в трясину искаженных понятий, созданную старой наукой генерального штаба. Когда имеешь дело с решительным противником, не избегающим сражения, нет других средств сопротивления, кроме сражения; это сражение желательно ему предложить в возможно выгодных для нас условиях; но решимость дать сражение нужна, так как сражение не может быть заменено никаким эквивалентом. Если обороняющийся занимает слишком сильную позицию, то тем самым он вынуждает наступающего миновать ее. Если позиция в стратегическом отношении удачно расположена, то это движение противника мимо нее представляет выгоду для обороняющего, которая, однако, может быть реализована лишь при условии, что обороняющийся атакует на походе наступающего, как говорил Наполеон, *en fragrant délit* ²⁾. Таким образом, без сражения никогда нельзя обойтись. Это сражение будет *тактически оборонительным*, если наступающий усмотрит слишком большую для себя опасность движения мимо позиции и потому обратится к атаке позиции; и *наступательным*, если наступающий будет стремиться к своей цели, осмеливаясь следовать мимо позиции. Если и тактическая природа, и стратеги-

¹⁾ Поход Клаузевица против стратегической фразы не является прихотью. Нигде фраза не приносит такого вреда, как в стратегии. „Свобода маневра“, о которой Клаузевиц говорит в §§ 8 и 12 своего разбора, это стратегический жупел, лежащий в основе французской доктрины, русских учений о встречном бое — начиная с Андогского и до сего времени, учений об авангарде и сторожевом охранении, и т. д. Клаузевиц был слишком философом, что бы не стремиться всеми силами оттеснить из нашего стратегического мышления эту псевдо-философию, позволяющую, с помощью туманных фраз без содержания, вести логическую игру в кошки-мышки.

(Прим. редакции).

²⁾ На месте преступления (прим. переводч.).

ческое положение позиции достигают равной силы и противник не рискнет ни атаковать, ни миновать расположение обороняющего, а следовательно совершенно *откажется* от дальнейшего наступления, то результат может быть достигнут без сражения, но при *совершенно неизбежной предпосылке*, заключающейся в том, что обороняющий готов дать сражение. Если же *наступающий не ведет решительного наступления*, если он не имеет плана нанесения решительного удара, а просто двинулся в поход в ожидании благоприятного случая, собираясь что-нибудь предпринять, лишь когда ему *такой удобный случай представится*, тогда обороняющий имеет полное право действовать таким же образом. Имея дело с таким наступающим противником, обороняющий также может иметь намерение вовсе избежать сражения и *рассматривать его, как злю*; при этом он так организует все свои мероприятия и движения, чтобы противник никогда не оказался в тех благоприятных условиях, которых он ищет, чтобы вступить в сражение. Оба эти случая, однако, не надо смешивать воедино; в первом случае было бы совершенно противоестественно ожидать от подобных средств сопротивления благоприятных результатов; напротив, можно утверждать с полной уверенностью, что они приведут к полумерам, к потере времени, к замешательству, а из этого великолепного чистилища прямой путь к полнейшему поражению.

14. 15. (Критика отдельных предложенных мероприятий). Нельзя понять, как наступающий может длительно сохранить за собой преимущество над обороняющим, находящимся с ним в состоянии физического и морального равновесия, *не одержав над ним победы?* Если австрийцы будут вынуждены стремиться к такой победе, чтобы их поход закончился удачно, то эта необходимость отнюдь не явится следствием какой-либо особенной прусской стратегической комбинации, *а просто-на-просто лежит в природе вещей...*

Этим я заканчиваю мои замечания относительно второго решения задачи. Я вполне сознаю, насколько они

поверхностны и сколько темных вопросов они оставляют, но чтобы устранить эти недостатки, мне понадобилось бы значительно больше времени. Вы видите, милый друг, что я атаковал почти все те соображения, которыми обуславливалось конечное решение; вообще, если разбор входил бы в мою обязанность, я был бы склонен не столько нападать на результат решения, как на форму приводимых в пользу него доказательств. Я ненавижу эти терминологии, с помощью которых хотят подвести частный случай под какие-то общие и необходимые нормы. Стратегия¹⁾ употребляет эти терминологии, как будто они представляют алгебраические формулы, непреложность которых давно доказана, и которые приводятся, в виду краткости, вместо изначальной истины. Однако, эти терминологии даже не являются ясными и определенными предложениями; все они представляют туманные и шаткие выражения, об истинном смысле которых надо еще расспросить. Таковы они не случайно, а совершенно намеренно; именно потому, что они, не основываясь на необходимости, выставляются, как общая истина, те лица, которые изобретают эти понятия, находят вполне естественным предоставить им известный разлет. Если я, таким образом, до известной степени порицаю все содержимое второго мемуара, то это, конечно, может показаться, как предвзятость с моей стороны; но я сознаю, что таковой у меня нет и иметь ее я не могу, так как у меня нет собственной системы, и я ничего не требую, кроме прямой неприкрашенной истины, простого сопоставления причин и следствий. Я надеюсь, что Вы не подумаете, что мною руководит дух противоречия во что бы то ни стало или какое-либо личное нерасположение: бесплодное противоречие мне невероятно отвратительно; что же касается автора, то я очень сожалею, что он не вступает больше и чаще на путь совершенно естественного под-

¹⁾ На языке Клаузевица слово „стратег“ получает обидное значение, близкое к понятию шарлатана. Поэтому, ближайшее за Клаузевицем поколение избегало даже ставить слово „стратегия“ на заглавиях своих трудов. (Прим. редакц.).

хода к делу, которому я стремлюсь следовать с величайшим усердием уже в течение многих лет, так как с практическими суждениями автора я может быть готов согласиться скорее, чем с суждениями кого-либо другого.

После всего сказанного, я могу гораздо короче изложить мое суждение относительно Вашего решения задачи. Оно радует меня своей простотой и естественностью. У Вас нет аппарата бесполезных наслоений и рассуждений, представляющих только цветы красноречия. Поэтому, я предпочитаю сделать замечания только по отдельным пунктам.

1, 2, 3. (Вопросы об операционной линии).

Вы совершенно правы в том, что указываете на операцию, направленную в Лаузитц, как на *самую решительную*; это вполне подходящее выражение... Только утверждение, что выигранное австрийцами сражение в Нижнем Лаузитце дало бы им большие выгоды, чем таковое у подножья Силезских гор, основывается на односторонней предпосылке, что австрийцы в состоянии вести войну с большей решительностью.

4. Я уже говорил, насколько я отрицательно отношусь и ограничиваю последнее утверждение.

5. (Расчет времени).

6. (Организация связи).

7. Это эксцентричное расположение я считаю главной ошибкой Вашего решения. Такое расположение, притом на тесном пространстве, в тот момент, когда надо ожидать главного удара, всегда является ошибкой¹⁾, если оно не оправдывается превосходством сил. При этом ничто не может обеспечить от опасности того, чтобы про-

¹⁾ В эпоху Клаузевица операции по внутренним линиям являлись еще наиболее выгодными. Любопытно отношение Клаузевица к охватывающему положению: он считает его опасным при тесном театре войны, и выгодным при больших расстояниях. Стратеги конца XIX века склонны были к противоположному заключению, усматривая опасность при больших расстояниях, и находя выгоды, по мере того, как стратегическое окружение близилось перейти в тактическое. В этом вопросе решающее значение имеют успехи техники сообщений и связи (прим. редакции).

тивник одной и той же главной массой поочередно не разбивая отдельные части, как это уже показала знаменитая кампания 1796 года в пяти своих различных действиях. При более значительных расстояниях, такая охватывающая форма атаки или обороны делается менее опасной; когда же расстояния становятся поистине большими, как например в кампанию 1812 года в России, то эта форма вообще перестает быть опасной, и тогда она, естественно, становится выгоднее своеобразием своих способов воздействия.

В 1813 году расстояния были довольно значительны, и все же постоянно существовала опасность того, чтобы главные неприятельские силы не разгромили Блюхера; Шварценберг же действительно был разбит. Охватывающая форма всегда является *наиболее решительной, приводящей к наикрупнейшим результатам*, но именно поэтому она представляется *и наиболее рискованной, менее всего дающей гарантий на успех*. Успех и опасность всегда нераздельно следуют друг за другом и образуют динамический закон войны. Следовательно, если стремиться увеличить успех, то тем самым увеличивается и опасность, и важно лишь, отвечает ли это нарастание требованиям и особенностям нашего положения. Таким образом, если крупный риск не отвечает сущности условий, в которых мы находимся, мы можем повысить результаты успеха лишь в том случае, если опасность сама по себе не велика, т.е. при большом физическом и моральном превосходстве.—Эта крайне простая мысль, основывающаяся непосредственно на ближайших понятиях, сводит к ясным и определенным условиям множество вопросов в стратегии, относительно которых обычно спорят без всякого результата.—Очень легко сбиться с пути и соблазниться базировать значительную часть наших сил на какую-либо нашу провинцию, выдвинутую в неприятельский фланг и тыл, и Вы перед этим не устояли; но надо уметь не идти на соблазн. Это вовсе не означает, что следует полностью отказаться от выгод, представляемых данными условиями; но надлежит лишь бросить в эту провинцию несколько

партизанских отрядов, сумма сил которых настолько незначительна в сравнении с общей массой, что их отсутствие не может отразиться на решительном сражении...

8, 9, 10. (Отдельные детали решения).

Ну и довольно; может быть я Вас уже утомил. Если некоторые пункты опять покажутся Вам непонятными или я не во всем сумел Вас убедить, то мы ведь о многом сможем еще переговорить лично.

II ПИСЬМО.

КЛАУЗЕВИЦ—К. фон-РЁДЕРУ.

Берлин, 24 декабря 1827 года.

Милый друг!

Мне казалось, что я, по меньшей мере, достаточно пространно выполнил выпавший на меня дружественный долг, но я вижу, что Вы хотите меня использовать еще и для второй задачи. Таким образом, мне приходится еще раз взяться за перо, что я и делаю не без некоторого опасения, что я уже в достаточной степени утомил Ваше терпение своим первым посланием.

Я Вам в нем уже говорил, скольких данных недостает в первой задаче, чтобы возможно было дать решение, носящее в себе хоть в некоторой степени начало необходимости ¹⁾).

Вторая задача является продолжением первой. Хотя обстановка в ней более детализирована, но своими данными не охватывает положения в целом; эта задача по-прежнему такого рода, что данные, которых мне не хватало и раньше, и которые отсутствуют и здесь, должны были бы оказать сильное влияние на решение.

С другой стороны, чем больше эти данные нисходят до подробностей, тем больше отдельные мероприятия противника приобретают значение определяющего момента ²⁾),

¹⁾ Т.-е. не имеющее произвольного характера (прим. редакц.).

²⁾ Отсутствие дополнительных заданий, включающих последовательные мероприятия противника, и ныне часто делает иллюзорной работу по решению как тактических, так и стратегических задач. (Прим. редакц.).

а так как эти распоряжения в свою очередь нельзя свести к фикции, то понятно, что чем дальше втягиваешься в работу по выполнению, тем работа в сущности становится все больше иллюзорной.

Втихомолку делают множество предпосылок и приводят рассуждения, из которых на сто частных случаев вероятно ни одно не окажется пригодным. Это может принести известную пользу, как упражнение в логике и в остроумии, но совершенно ясно, что одному такому резонерству нельзя противопоставлять подобное же резонерство с надеждой согласовать их; на этой почве, кто любит поспорить, никогда не может быть приведен к единой точке зрения; если же кто-нибудь будет честно стремиться убедиться и найти правильное решение, то в конце концов окажется в превратной неизвестности, которая может заставить усумниться во всех теориях...

Вторая задача открывает возможность разрешения ее двумя различными путями и от Вас требуется выбор между ними; в то же время выполнение по одному пути критикуется другим по самой постановке задачи; это мне представляется тем неудачнее, что эти пути различаются лишь незначительными обстоятельствами. Во всех стратегических решениях, а в особенности при наличии *альтернативы*, когда приговор должен быть вынесен между двумя сторонами, у меня всегда появляется потребность вернуться к принципиальному рассмотрению вопроса, с точки зрения общих оснований, т. е. установить, при каких условиях то и другое решения являлись бы истинной, отвечающей природе военного дела. В таком случае, по крайней мере, можно отчетливо усмотреть, какова природа каждого мероприятия, и каковы его своеобразные особенности. При таких условиях, когда мы столкнемся на практике с действительностью, прежде всего требуется выяснить, насколько отвечают своеобразием определенного решения нашим потребностям и условиям, в которых мы находимся.

Таким образом, критика воображаемого плана должна оставлять открытым окончательный приговор над многими

вопросами, относительно же некоторых частных решений можно высказаться определенно, так как в них решение противоречит определенно обусловленным задачей данным. Подобные замечания я сделаю только по отдельным пунктам вашего решения.

1. (Изоляция отдельных корпусов).

2. В стратегии надо строго отличать *обход* позиции от *минования ее*. Обхожу ли я отдельным корпусом или со всеми своими силами фронт какой-либо позиции, чтобы атаковать ее с фланга или сзади, или я вообще оставляю ее в стороне, преследуя, не считаясь с ней, цель своего наступления, — это очевидно представляет собой мероприятия совершенно различного характера. В первом случае позиция не утрачивает своего стратегического значения и даже напротив, направленная на нее атака свидетельствует о признании этого значения, и вопрос сводится только к тому, чтобы это значение было энергично поддержано тактическими свойствами позиции. Во втором случае позиция не оправдывает своего стратегического назначения. Случаи, когда наступающий имеет возможность миновать позицию, выбранную не совсем неудачно, бывают крайне редко; но случаи, когда позицию невозможно обойти, в свою очередь также бывают крайне редко; в большинстве случаев к этому надо быть готовым и соответственно сообразовать свои мероприятия. Позицию, которую простой обход может заставить покинуть, едва ли стоит трудиться и занимать ¹⁾.

3. (Вопрос о выборе пути отступления).

4. Сущность вопроса в результате такова: могут ли австрийцы, развивая свое наступление, не дать нам сражение, а сделать что-нибудь другое? Я отвечаю — нет; во-первых потому, что австрийцы не сильнее нас, во-вторых потому, что они со всех сторон окружены нашей территорией театра войны, а следовательно в этом отно-

¹⁾ Современные обширные фронты крайне замедляют обходы; теперь гораздо больше, чем в эпоху Клаузевица, позиций, которые вовсе не поддаются обходу (от моря до моря или до нейтральной страны) (Прим. редакц.).

шении очевидно находятся в менее выгодном положении. Оба обстоятельства оставляют им так мало надежд на возможность вынудить нас маневром к отступлению и затем осадить и взять Торгау, что было бы с их стороны весьма неблагоприятно строить на этом свой план. Но если они хотят сражения, то они должны переправиться на правый берег Эльбы, где мы находимся; эту переправу они естественно предпочтут выполнить вне пределов нашей досягаемости....

5, 6, 7, 8. (Разбор отдельных предположений, касающихся расположения прусской армии; соотношения речных линий и крепостей).

...Мне кажется, что разница между расположением за р. Черным Эльстер и у Торгау не велика. Если мы в своих соображениях будем стремиться оставаться на почте практики, то мы должны признать, что в случае решающего столкновения, в крупные его последствия данная разница вошла бы с очень маленьким коэффициентом. Та степень, в которой оба полководца успеют сосредоточить свои силы на поле сражения, удачная постановка сражения, искусное руководство им, выдержка полководца, храбрость войск и доверие их к полководству, послушание генералов,—разве все это не представляет собой величины, гораздо более важные и ближе стоящие к центру решения?

Ушли бы русские из Москвы в 1812 году в направлении на Владимир или передвинулись бы к Калуге, одно это в высшей степени простое обстоятельство имело крайнюю важность, хотя оно и не было главной причиной, обусловившей, как многие думают, отступление французов. Следовательно, не подлежит сомнению, что изменение одной стратегической линии может оказать решительное влияние; но будут ли пруссаки драться при Зенфтенберге или при Торгау, этому нельзя придавать значение, если не стремиться вовлечь стратегию в вопросы, которыми она не занимается ¹⁾.

¹⁾ В этом пункте Клаузевиц касается темы, называемой им иногда „стратегическими дурачествами“.

9. Расположение главной армии у Герлитца, если бы последний был крепостью, к чему Вы под конец пришли, представляло бы собой *фланговую позицию*. Район, который должны прикрывать фланговые позиции, естественно не находится непосредственно за ними; следовательно, они допустимы лишь в том случае, если мы располагаем очень широкой базой, обеспечивающей нам возможность отступления. В данном случае дело обстоит именно так; однако, подобное отступление всегда оказывается несколько ограниченным—в одном случае более, в другом менее. Постоянная опасность оказаться отесненным от главного массива отечественной территории, от центра тяжести всей военной державы, и быть отброшенными в эксцентрическом направлении, представляет собой существенную невыгоду этих позиций. Эту невыгодную сторону такой позиции должно восполнить *тактической силой*, чтобы противник или совсем не мог бы ее атаковать и оказался бы в этом случае пригвожденным ее стратегической силой, или не имел бы при атаке никаких шансов на победу. При этих условиях фланговая позиция допустима; однако, у нас еще не хватает положительного основания, для чего она занимается: ее стратегическое значение. Рассмотрите с этой точки зрения данный случай, и Вы должны будете прийти к заключению, что армия на позиции у Герлица, вынужденная считать своей линией отступления Бреславльское шоссе, в случае поражения рискует оказаться отесненной на юг Силезии. Стратег старой школы сказал бы, что в этих условиях ее можно считать погибшей; но я этого не говорю, так как это было бы совершенно неосновательным утверждением; однако, Вы должны признать, что отсюда рождаются тысячи крупных невыгод. При этом сильных позиций в районе Герлица пока не обнаружено, а стратегическое значение этой фланговой позиции не могло бы быть *очень велико*, так как австрийцы имеют возможность базироваться на Эльбу.

С Вашей третьей работой я вполне согласен, и хочу только обратить Ваше внимание на трудности, связанные с прикрытием наискось идущей коммуникационной линии.